

С.Б. ЛИКОК О ФОРМИРОВАНИИ КАНАДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Рассматриваются научные исследования Стивена Батлера Ликока, известного в России в большей степени как канадский писатель-сатирик и в меньшей – как историк и политолог в области канадской политической культуры. Его взгляд на формирование канадской политической культуры в XIX – первой половине XX в. является оригинальным, глубоким и исторически взвешенным. Автор на основе неопубликованных в России работ С.Б. Ликока критически проанализировал внесенный им вклад в изучение феномена канадской политической культуры.

Ключевые слова: канадская политическая культура; политическая система; политическая история Канады; политические партии Канады; патронаж Великобритании; социальный реформизм; Великая депрессия.

Стивен Батлер Ликок (Stephen Butler Leacock) родился 30 декабря 1869 г. в Суэнмор, Хэмпшир, Великобритания, умер 28 марта 1944 г. в Торонто. В 1876 г. в возрасте шести лет С. Ликок переехал с семьей в провинцию Онтарио (Канада). Воспитывался матерью, так как отец был алкоголиком и вскоре ушел из семьи. Посещал частную школу в Торонто, где был лучшим учеником. Позднее стал школьным учителем, пытаясь заработать деньги на жизнь и обучение. С. Ликок закончил колледж Верхней Канады и Торонтский университет (1891 г.), получил степень доктора экономики и политических наук в Чикагском университете (1903 г.). С 1901 г. он преподавал в университете Мак Гилл (Монреаль), а в 1908–1936 гг. возглавлял там же факультет экономики и политических наук.

В нашей стране он в большей степени известен как канадский писатель-сатирик и в меньшей – как историк и политолог. Достаточно сказать, что из написанных 67 литературных и научно-популярных произведений на русский язык переведены 56, в то время как из 22 научных работ по истории и политологии – ни одной. Цель настоящей статьи – познакомить российских читателей с Ликомом – политиком и историком.

Статья состоит из двух частей. В первой представлены взгляды С. Ликока на историю канадской политической культуры. В своих исследованиях С. Ликок отмечал исторические особенности формирования и развития канадской политической культуры сначала в колониях Британской Северной Америки, затем в Доминионе. С. Ликок одним из первых канадских исследователей высказал мысль о том, что концепция ответственного правительства является основанием всей британской имперской системы и поэтому борьба за введение «ответственного правительства» стала главным политическим событием в Канаде в середине XIX в.

Вторым существенным фактором в вопросе создания канадской государственности С. Ликок считал создание двунациональных правительств в Объединенной Канаде и политических партий на бинациональной основе.

Особое мнение С. Ликок высказывал по вопросу создания федеративного устройства в Канаде. Он считал, что целесообразность этого заключалась не столько в различиях политических культур и идеологии в североамериканских колониях, сколько в необходимости поддержания разных экономических интересов будущих провинций, имеющих естественные границы

и разрывы в коммуникациях. Кроме того, С. Ликок полагал, что в эпоху индустриализма слабая, децентрализованная федеративная система создает не только существенные различия в социальных отношениях провинций, но и способствует формированию отличных региональных политических культур.

Отмечая важность использования федеральным правительством тарифного регулирования, С. Ликок предупреждал, что этот очень чувствительный инструмент способен и навредить при его неумелом использовании. С. Ликок также указывал на важность патронажа Великобритании в вопросе самоуправления, но при этом пределы патронажа и самоуправления регулируются актом британского парламента, который фактически представил Канаде писанную конституцию. Он имел свой взгляд на процесс социального реформирования в Канаде при активном вмешательстве государства в производственные отношения между трудом и капиталом. Необходимо отметить, что С. Ликок предложил ряд мер по выходу Канады из депрессии 30-х гг. XX в.

Вторая часть статьи содержит авторскую критику взглядов С. Ликока на канадскую политическую культуру, которая заключается в том, что неполное отражение Ликомом канадской политической культуры связано с его мировоззрением либерал-викторианца в начале XX в. и англоканадского национализма – в межвоенное время. Представления С. Ликока о канадской политической культуре основываются на идее, что не столько идеология, сколько британские колониальные институты со времен завоевания британцами Новой Франции определяли развитие политической культуры как в Канаде, так и в других колониях. По этому вопросу он писал следующее: «Канаду уступили Великобритании соглашением 1763 г. В течение года после этого она управлялась по военному правилу. Гражданское правительство было установлено королевской Прокламацией в 1764 г. и систематизировано парламентским актом десять лет спустя. По Квебекскому акту 1774 г. создание правительства и законодательного совета было поручено губернатору. Он объявил “нецелесообразным созывать ассамблею”. Только в Конституционном законе 1791 г., по которому Верхняя часть Канады была отделена от Нижней, появился принцип выборного представительства» [1. Р. 357–358].

Канадский исследователь считал, что развитию общественной политической культуры в XIX в. в Североамериканских колониях способствовали три основные причины: «Влияние войны, трудные времена и политическая агитация, которые “озлобляли” ситуацию» [Там же. Р. 359]. В этой короткой фразе С. Ликок имел в виду, что последствия Англо-американской войны 1812 г. изменили отношение поселенцев к своей «малой родине»: они ее стали воспринимать как традиционно другое образование, отличное от штатов «южного соседа»; наступило сложное экономическое положение в колониях, связанное с неурожаем ряда лет, эпидемией холеры, которую занесли иммигранты, прибывающие с Британских островов, трудностями освоения не береговой западной части Верхней Канады; начались первые политические выступления движения реформ в Верхней Канаде и сторонников Л.-Ж. Папино в Нижней Канаде.

По мнению Ликока, основная политическая борьба в раздельных колониях, а затем вновь объединенных разворачивалась за введение принципа «ответственного правительства», ограничивающего прямое влияние британской колониальной администрации. Причем он сделал очень важное замечание о том, что принцип «ответственного правительства» был введен лишь тогда, когда были выполнены два важных условия:

1) подавлено сопротивление канадских тори внедрению этого принципа после бунта и поджога здания парламента, который заседал в здании старинного рынка Святой Анны на площади Пляс д'Ювиль в Монреале в апреле 1849 г.;

2) появилась уверенность у обеих сторон (реформаторов и колониальной администрации) в том, что применение этого принципа создаст систему двойной лояльности короне – «систему двойного контроля», и ответственности перед имперским правительством [1. Р. 371].

С.Б. Ликок одним из первых высказал мысль о том, что концепция «ответственного правительства» является основанием всей британской имперской системы. Он писал: «Болдуин часто высмеивался своими современниками как “человек одной идеи”. Время показало, что эта “одна идея” Роберта Болдуина – концепция ответственного правительства – краеугольный камень всей британской имперской системы» [2. Р. 1].

Есть объяснение у С. Ликока и тому, как случился в политической жизни Канады парадокс: плодами завоевания реформаторов воспользовались умеренные тори, «несмотря на то, что правительство Лафонтена-Болдуина в течение 1849 и 1850 гг. оставалось в положении исключительной власти» [Там же. Р. 337]. Причины тому он видел в следующем:

– «...недавние события на Британских островах, чартизм и движение за отмену движения, демократические революции на континенте дали импульс доктринам радикализма и в то же время отразили желание людей и направили их в сторону порядка и стабильности» [2. Р. 335–336];

– «...движение в направлении аннексии Соединенными Штатами летом 1849 г., которое принудило многих британских жителей Монреаля подписывать манифест, оно было, несомненно, продиктовано полити-

ческой злостью как серьезное осуждение (экономической политики правительства. – *И.С.*)» [2. Р. 336], а это, несомненно, настраивало электорат против реформаторов;

– «Законодательный успех сессии 1850 г. был, возможно, более очевидным, чем реальным. Некоторые большие практические вопросы реформы, особенно касающиеся запасов духовенства и срока пребывания сеньорального владения, все еще требовали решения. В этих двух серьезных проблемах, которые стояли перед политическими деятелями двух Канад, оставленных прошлыми поколениями, как двойные загадки сфинкса, содержалась вечная проблема церкви и государства, проблема земельной аристократии против неземельной демократии. В них партия реформаторов не могла найти точки соприкосновения для соглашения» [Там же. Р. 339];

– «Реформаторы Нижней Канады были сильно разделены; одни из них хотели видеть сеньории, конфискованные без компенсации; другие – чтобы конфисковать их с компенсацией; третьи – решить вопрос добровольным соглашением, которому поможет законодательство, но не обязательно; и четвертые, наконец, такие как Папино (непосредственно сеньоры), хотели оставить все как есть» [Там же. Р. 350].

Интересно замечание Ликока относительно недолгого существования двунационального правительства в Канаде в середине XIX в.: «На первый взгляд может показаться странным, что два великих реформатора, объединенная карьера которых была отмечена на предшествующих страницах, должны были оставить политическую жизнь в эпоху, когда большинство государственных деятелей находилось всего лишь на пороге своих достижений. Но отставка Болдуина и Лафонтена означала, что их работа была сделана. Найти реальное основание политического союза между французской и британской Канадой, заменить борьбу непримиримых этносов поддержанием гражданства двух великих народов, настроенных в передовых Британских колониях примером самоуправления, которое должно было доказать длительное основание империи, – все это было законченной работой, после которой они достаточно заработали себе часть вечера после тяжелого дневного труда» [2. Р. 359–360].

Особое мнение С. Ликок высказывал по вопросу создания федеративного устройства в Канаде. Он считал, что целесообразность в создании канадской федерации заключалась не столько в различиях политических культур и идеологии в Североамериканских колониях, сколько в необходимости поддержания разных экономических интересов будущих провинций, имеющих естественные границы и разрывы в коммуникациях [3. Р. 41]. Необходимость выравнивать интересы провинций, проводить заселение огромных территорий и создавать транспортную сеть можно было только в условиях расширенных компетенций федерального правительства. Поэтому ограничения федерального правительства по Конституционному акту 1867 г. были незначительными по сравнению с ограничениями американского федерального правительства согласно Американской конституции.

«В Канаде в значительной степени провинции представляют или отдельно, или в смежных группах отличные экономические единицы. Онтарио и Квебек отделены естественными границами и населены людьми различных этносов и отличных традиций, соответствуют прекрасной гармонии нахождения в федеральном союзе. Нет ничего неестественного или искаженного в том, что их законодательный кодекс в отношении рабочей силы, религии и образования должен быть создан по отличным линиям. Атлантические провинции также резко разделены в экономическом интересе и естественными барьерами от остальной части Канады географически, сформированы отличные союзы даже между собой. Между Онтарио и Западом существует широкое протяжение фактически необитаемой страны. Изоляция Британской Колумбии выступает сама за себя» [3. Р. 42].

Кроме того, С. Ликок считал, что в эпоху индустриализма слабая децентрализованная федеративная система создает не только существенные различия в социальных отношениях провинций, но и способствует формированию отличных региональных политических культур.

Стивен Ликок не только исследовал политическую жизнь середины XIX в., он и активно изучал вопросы политической науки, написав монографию «Элементы политической науки» [4]. В ней он четко определил природу и жизнеспособность канадской федерации: «Чтобы удовлетворить внезапные и временные потребности, финансовая власть должна включать способность заимствовать. Эти три функции – ведение войны и обороны, контроль иностранных дел и способность зарабатывать деньги – являются главными основами, без которых не может существовать никакая федерация» [Там же. Р. 246].

В отношении канадской федерации он еще добавлял: «...контроль более обширных средств для транспортировки (те, которые составляют “межгосударственную торговлю”), – железные дороги, каналы, телеграф, и т.д., – регулирование банковской системы и учреждение общего тарифа» [Там же. Р. 247].

Отмечая важность использования федеральным правительством тарифного регулирования, С. Ликок предупреждал, что этот очень чувствительный инструмент способен и навредить при его неумелом использовании: «Федеральный контроль тарифа склонен найти свое место среди полномочий центрального правительства решить скорее финансовые проблемы, чем экономические. Тариф предлагает удобную и несколько скрытую форму налогообложения ...практически это очень важно: тарифные барьеры – серьезное препятствие для консолидации национальной жизни» [Там же].

С. Ликок указывал на важность патронажа Великобритании в вопросе самоуправления: «В случае каждой колонии Корона сохраняет определенную власть контроля. ...правительства британских колоний представляют самый большой диапазон разнообразия в деталях их политической конституции. Были предложены различные классификации, из которых самое удовлетворительное, кажется, разделение сначала их

на три больших класса – британские колонии, представительные колонии, ответственные колонии. Британские колонии – те, у которых нет никакого самоуправления; представительные колонии – те, у которых есть частичное самоуправление; ответственные колонии – те, у которых есть полное самоуправление. Эти три разделения могут указать не только на классификацию зависимости в любое определенное время, но также и на стадии, через которые британская колония проходит в восходящем прогрессе. Канада, как было замечено, была британской колонией со времен своего завоевания до 1791 г., представительной колонией – до Акта 1840 г., и с тех пор она – ответственная колония» [4. Р. 248].

Кроме того, Ликок считал, что пределы самоуправления регулируются актом британского парламента, который фактически представил Канаде писанную конституцию: «Претензия была действительно предъявлена в Канаде, что предоставление парламента доминиона заключено в “исключительной законодательной власти” по вопросам, перечисленным в Британском Акте Северной Америки, а Акт был непосредственно “исключен” из-под власти имперского парламента. Такое утверждение идет в противоречии с самим основанием британской конституции и не может быть сразу принято. Но только после того, как устав парламента позволяет это, ни у Короны, ни у любой другой власти на родине нет власти над колониями, кроме той, что сохраняется в законодательных актах» [Там же. Р. 281]. Это очень важное замечание в отношении природы канадских конституционных основ.

Стивен Ликок высказался также по вопросу создания имперской федерации из Великобритании и ее доминионов. По его мнению, этот вопрос был бесперспективен: «Если (имперский. – *И.С.*) федеральный парламента будет сформирован, то он, очевидно, не будет осуществлять власть над внутренними делами британских островов. Поэтому должно быть два парламента в Великобритании: непосредственный, замкнутый парламента и высший федеральный орган. Поэтому недостаточно будет допустить колониальных представителей в парламента в Вестминстере, но будет необходимо, чтобы полностью восстановить законодательную власть в Соединенном Королевстве. Мертвый вес инерции, с которой столкнутся прежде, чем такое изменение может произойти, будет понят всеми, кто знаком с британским политическим характером» [Там же. Р. 285–286].

С. Ликок имел свой взгляд на процесс социального реформирования в Канаде при активном вмешательстве государства в производственные отношения между трудом и капиталом. Он указывал, что если канадское правительство вмешивалось и регулировало конкуренцию промышленных корпораций с целью ускоренного развития промышленности, сельского хозяйства и коммуникаций во второй половине XIX в., то в начале XX в. оно начало своими действиями формировать социальные отношения как важный элемент строительства канадской нации: «Это очевидное изменение в государственной политике сопровождалось одинаково очевидным изменением в общественном

мнении. Экономисты и политические философы настоящего времени были готовы защитить степень государственного вмешательства вполне в противоречии с доктринами их предшественников. ...было замечено также, что относительно благосостояния трудящегося класса система свободной конкуренции, особенно в отношении работы женщин и детей, была открыта для серьезной критики. Дальнейшее развитие современной промышленности подчеркнуло много других неудобств, которые сопровождали неограниченную конкуренцию... это привело к изменению фактической законодательной политики, принятой под сложившимися обстоятельствами» [4. Р. 388].

И далее в отношении социальных обязательств правительства: «Общее признание идеи социальной солидарности и совокупность социальных обязанностей по отношению к рабочим и более бедным членам сообщества глубоко повлияли на современное законодательство» [Там же. Р. 404].

В то же время он признавал, что Канада отставала от Великобритании в разработке и введении социального законодательства. «В Англии, в соответствии с общим фабричным законом 1901 г., подобные ограничения были введены правительством на свободу заключения промышленного контракта, и предметом законодательного вмешательства стали условия и допустимые часы работы для женщин, молодых людей и детей» [Там же. Р. 405]. В Канаде же правительство в 1901 г. решилось только на создание правительственной комиссии по исследованию трудовых споров между работодателями и рабочими, которую возглавлял У.Л. Маккензи Кинг.

Совсем иную позицию по социальному обеспечению С. Ликок занял в период Великой депрессии. В работе «Назад к процветанию: наиболее удобный случай Имперской конференции», написанной перед началом проведения Оттавской экономической конференции, прошедшей 21 июля – 20 августа 1932 г., он написал: «Под показным названием “социальное страхование по безработице” пособие просто означает давать деньги людям вместо работы. Нет сомнения, что они предпочитают. Фактически все подписываются под идеей “хлеба и работы для всех”. Фактически все соглашаются, что у государства (правительства) нет никакого права оставлять старательного человека без средств поддержки. Восточный метод разрешения бедным умирать и старомодный европейский метод их отстрела являются оба устаревшими. Но “пособие” дало хлеб без работы, деньги – без работы, зарплату – без положения. Это было достойно Алисы из страны Чудес» [5. Р. 20].

Ликок-экономист понимал, что выход из депрессии возможен только, если вновь заработает мировая торговля, которая была ограничена высокими тарифными барьерами и перепроизводством товаров в 20-е годы всеобщего процветания: «Безработица исчезла: цены, действительно, выросли, но также была повышена заработная плата; нехватка продовольствия была возмещена новым изобилием предметов потребления. Семьи с новым граммофоном были готовы сократить свои расходы на сахар. Милосердие процветало в бесконечном по-

токе. Хлеба и работы хватало на всех. С огромных новых состояний, даже самых честных, платили огромные налоги и насмехались над ними» [5. Р. 5].

Необходимо отметить, что в этой же работе С. Ликок предложил свое видение выхода из депрессии.

1. Он считал необходимым расширить британское предпочтение по экспорту канадских товаров введением так называемого супертарифа (Super Tariff).

2. Предложил осуществить «треугольные предпочтения» (Triangular Preference) внутри Британского Содружества Наций, суть которых заключалась в том, что метрополия должна была определять и контролировать зачет в форме бартера, обмен экспортными товарами доминионов внутри Содружества.

3. Понимая, что регулировать производство промышленных товаров значительно легче, чем, например, выращивание пшеницы в Канаде, производственно-торговый цикл которого составляет 1,5–2 года и на него накладываются резкие колебания мировых цен [Там же. Р. 17], Ликок предложил использовать «систему квот» (Quota system), которая бы устанавливала гарантированного приобретателя (или покупателя) и цену обмена (или продажи) излишков экспортного товара (в данном случае пшеницы). Для этого, по его мнению, требовалась политическая воля правительств стран Содружества и изменение существующих национальных законодательств.

4. В связи с отказом Великобритании от «золотого стандарта» (как писал Ликок, «отказ от золотого стандарта Англией в сентябре 1931 был, конечно же, актом по необходимости» [Там же. Р. 18]) мировая финансовая система пришла в расстройство, а значение Лондона как финансового центра снизилось, как и снизилось, соответственно, его влияние на регулирование мировой торговли. Поэтому С. Ликок предлагал вернуться к «золотому стандарту», при этом обесценить фунт по золотому содержанию в 3–5 раз. Это дало бы, по его мнению, дополнительные преимущества Великобритании и ее доминионам в мировой торговле: «Теперь, если бы весь внешний мир сидел бы, не двигаясь, и ничего не делал бы с этим (депрессией. – И.С.), падение фунта творило бы чудеса для британской торговли и промышленности. Первые последствия инфляции валюты столь же приветствуются, как первые последствия принятия бренди и содовой» [5. Р. 24].

5. Использование серебра как стимулятора ценообразования (Silver as a Price Stimulant). По мнению С. Ликока, несмотря на послевоенное обесценивание серебра, его использование в качестве платежного стандарта в Китае, Индии, Мексике, Филиппинах и других странах делало привлекательным создание мировой бивалютной системы в паре золотого и серебряного стандарта: «Даже те, кто обратил бы внимание на восстановление старой биметаллической системы в ее полной форме, как всего лишь мечта, могли бы надеяться найти в некотором возобновленном использовании серебра, по крайней мере, важное дополнение в реорганизации финансов» [5. Р. 25].

6. Введение полного торгового эмбарго с СССР (Russian Embargo). «Русские под их системой коллективизма скованных цепью каторжников могут экспор-

тировать большое количество товаров в наши британские страны по любой цене или в случае необходимости вообще по никакой (нулевой. – *И.С.*) цене. Цена, которую они устанавливают, не имеет никакого отношения к стоимости, которой они подвергаются, без учета денег или труда. Они просто вынимают это из другой бригады рабов. Эта экспортная продажа может использоваться со справедливыми намерениями как средство покупки предметов потребления, которые они не могут сделать, или машин, которые они не понимают, или мозгов, лучше обучаемых, чем их собственные. Они могут также использоваться со злонамеренным умыслом, чтобы разрушить любые из наших отраслей промышленности, эксплуатировать саму слабость нашей экономической жизни. ...Наш ответ должен быть абсолютным – эмбарго на всю торговлю: как покупку, так и продажу» [Там же. Р. 7].

7. Укрепление политического и экономического союза стран, входящих в империю. «Объединенная Империя, прошедшая подготовку таким механизмом интегрированной торговли и единообразного обмена, может служить образцом объединенного мира. Империя, которая может найти средства, чтобы устранить дезорганизацию, безработицу и повернуть избыточное население от бремени к действию, может преподать урок человечеству в целом» [Там же. Р. 30].

Сложность критики представлений С. Ликока о канадской политической культуре заключается в том, что в большинстве своих работ он высказывает научные взгляды на примерах не из политической жизни и истории Канады, а из политической жизни и истории США. Тем не менее можно сказать, что у С. Ликока были свои представления об особенностях формирования канадской политической культуры в середине XIX в. Так, он один из немногих утверждал, что правительство Болдуина-Лафонтена было по существу не только реформаторским, но и либеральным, а начавшееся формирование движения Клиэр Гритс он называл новым радикальным движением, члены которого были неудовлетворены слишком медленными преобразованиями, проводимыми этим правительством. Среди них были бывшие реформаторы – участники восстания, вернувшиеся из изгнания. «Многие из лидеров *нового радикализма* (выделено мной. – *И.С.*) были людьми не без влияния в сообществе», – заключает Ликок [2. Р. 340].

Движение «Новый радикализм», по мнению Ликока, состояло в следующем: «Их (радикалов. – *И.С.*) платформа, которая показывает инфекцию европейских демократических движений, состояла из следующих требований: применение избирательного принципа для всех чиновников и учреждений страны – от главы правительства вниз по нисходящей линии; полное избирательное право; выборы тайным голосованием; двухлетние парламенты; отмена имущественного ценза для членов парламента с фиксированным сроком для проведения всеобщих выборов и для открытия сессий легислатуры; отмена пенсий судьям; отмена судов по гражданским делам и канцелярии и расширение отправления правосудия судом скамьи королевы; сокращение взносов для адвокатов; свободная торгов-

ля; прямое налогообложение; исправленный закон о юри; отмена или модификация законов о ростовщичестве; отмена принципа первородства; секвестирование запасов духовенства и отмена домов приходского священника, которые были созданы из этого снабжения» [2. Р. 340–341].

Нам представляется, что считать движение Клиэр Гритс радикалами не совсем оправданно с точки зрения определения их идеологии. Они не были аграрными социалистами, а представляли собой городских коммерсантов, юристов, издателей, журналистов и т.д., людей, которые в большинстве своем сконцентрировались на идеях отделения англиканской и других деноминаций от государства, распределения земельных запасов духовенства и снижения его роли в образовании через принятие соответствующего законодательства. Все эти идеи были вполне либеральными, а не радикальными, но опережали свое время для Канады.

Необходимо заметить, что воззрения С. Ликока на окружающую его политическую действительность заметно отличаются от его взглядов на политическую историю Канады: с одной стороны, они более эмоциональны, а с другой – скептически, отстранены, излишне независимы. Характерной работой этого времени является его книга «Неразрешимая загадка социальной справедливости» [6]. По его мнению, прошедшая Первая мировая война сдвинула сознание людей в сторону получения большей социальной справедливости без осознания трудностей по восстановлению послевоенной экономики: «Более старые методы социального прогресса оставлены как слишком медленные. Более старое оружие социальной защиты отброшено в сторону как слишком тупое. Парламентское обсуждение бессильно. Оно хромает вслед за популярным движением. “Государство”, как мы его знали, угрожает распасться на профсоюзы, соглашения, комиссии по примирению и конференции. Общество, потрясенное окончательно, швыряет себя в индустриальное самоубийство всеобщей забастовки, отказываясь прокормить себя, отрицая, что оно собственно хочет» [Там же. Р. 13–14].

Признание С. Ликоком необходимости социальных реформ половинчато, так как он не предлагает конкретных путей реформирования общества, ссылаясь либо на укрепление основ государства, либо на придание ему новых социальных функций, но каких – опять-таки им не расшифровывается.

Выход из создавшегося положения С. Ликок видел в выработке нового подхода к социальной организации: «Необходимо рассмотреть с нуля общественную организацию, в которой мы живем, и средства, посредством чего она может быть изменена и расширена, чтобы удовлетворить потребности времени, которые наступят. Мы должны сделать это или погибнуть. Если мы не исправим систему, существуют силы, попавшие в мир, – ломают ее» [Там же. Р. 14].

Невозможность Ликоком обосновать пути реформирования общества вызвана его мировоззрением и оставшейся идеологией классического либерала, непринятием им новых теорий модернизации капитализма.

Поэтому канадский политолог утверждал, что именно мировая война обострила значение социальной справедливости. Особенно отчетливо это видно на примере Канады. До войны канадцы не знали, что такое воинская повинность, и впервые почувствовали, что это «обязательство каждого человека, согласно его возрасту и обстоятельству, поднять оружие за свою страну и, если потребуется, умереть ради нее...» [6. Р. 18]. Тем самым война установила не только новую форму социального обязательства со стороны канадских граждан, но и «увеличила смысл социальной солидарности». К тому же этот долг людей, по его мнению, внес новые социальные обязательства со стороны канадского государства – обеспечить работой вернувшихся солдат, определить социальные гарантии для инвалидов, назначить пенсии для участников войны.

«Мы внезапно поняли, что все величие и сила страны исходит от мужчин и женщин, которые составляют ее. ...Даже перед войной мы начали говорить нетерпеливо и с тревогой о сохранении национальных ресурсов, потребности охраны лесов, рыболовства и шахт. Все это – важные вещи. Но война показала, что самая важная вещь из всех – сохранение мужчин и женщин. ...Отец и мать, которые смогли послать шесть крепких, преданных сыновей на войну, были расценены как благотворители нации» [6. Р. 132–133].

Кроме того, замечает С. Ликок, война показала ошибочность предвоенной иммиграционной политики канадского правительства: «Перед войной считалось, что более простой и более легкий метод увеличения (населения Канады. – И.С.) мог быть найден в оптовом импорте австрийцев, болгар и чехословаков. Более новые нации гордо хвастались своими иммиграционными показателями. Теперь ошибка очевидна. Те, на кого действительно рассчитывает нация, и те, кто управляет ее судьбами в беде и радости, являются теми, кто рождается в ней» [Там же. Р. 133].

С. Ликок признает, что полную социальную справедливость в условиях существующего мирового порядка достичь невозможно, поэтому он видит выход в необходимости достижения большей справедливости для женщин и детей, которые определяют в большей степени будущее человечества: «Это должно быть признано в ближайшем порядке общества, что каждый ребенок страны имеет право быть одетым и накорм-

лен, и обучаться независимо от судьбы его родителей. Наши незначительные начинания в направлении строительства жилья, улучшения санитарных условий, охраны детства и образования должны быть увеличены в объеме стоимости во что-то истинно национальное и всеобъемлющее» [6. Р. 139]. Признавая необходимость изменения социальных условий для основной массы населения, С. Ликок не требовал законодательных изменений как в части расширения их гражданских прав, так и расширения социальной помощи от государства.

В то же время Ликок, по утверждению М.Дж. Фрэнкмана, «...твердо выступал и расточал резкие слова как на либеральное невмешательство полученных результатов в рыночной экономике, так и социалистические альтернативы в капиталистической системе. Ликок искал средний курс, отклоняя и слишком большое правительственное вмешательство и слишком малое» [7].

Что касается работы С. Ликока «Назад к процветанию...», то критика его взглядов заключается в непризнании им пороков капиталистического способа производства, главным из которых является даже не его непредсказуемая цикличность производства и перепроизводство товаров и услуг в тандеме производство – потребление, а создание неустойчивой потребительской культуры, которая проникает во все другие виды культур, в том числе и политическую, искажая политические цели и практику. Поэтому, по косвенному признанию С. Ликока, процветание и экономическая стабильность в Канаде зависят «от непрерывного и увеличивающегося потока движения и увеличивающегося потока товаров, направленных наружу, и увеличивающегося потока иммигрантов вовнутрь» [5. Р. 5].

В заключение следует признать, что С.Б. Ликок как политический ученый не менее интересен, чем Ликок – писатель-сатирик и юморист. Его взгляды на политическую культуру Канады были во многом оригинальными, глубокими и взвешенными. Но, к сожалению, путь политического ученого был прерван слишком рано большой популярностью, признанием и мировой известностью Ликока как литературного автора. Поэтому литература приобрела всемирно известного автора, а канадская политология, несмотря на 28 лет его преподавания политики и экономики, не получила ученого с мировой известностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leacock S. Responsible Government in the British Colonial System // The American Political Science Review. May, 1907. Vol. I, № 3. 392 p.
2. Leacock S. Baldwin, Lafontain, Hinks: Responsible Government. Toronto : Morano&Co., Limited, 1907. 363 p.
3. Leacock S. The Limitations of Federal Government // American Political Science Review for February. 1909. Vol. iii, № 1. P. 37–52.
4. Leacock S. Elements of Political Science. Boston ; New York : Houghton Mifflin Company, 1913. 444 p.
5. Leacock S. Back to Prosperity. Toronto : The Macmillan Company of Canada Limited, At St. Martin's House, 1932. 37 p.
6. Leacock S. The Unsolved Riddle of Social Justice. N.Y. : John Lane Company, 1920. 168 p.
7. Frankman M.J. Stephen Leacock, Economist: An Owl Among the Parrots / ed. by David Staines Stephen Leacock: A Reappraisal. Ottawa : University of Ottawa Press, 1986. 184 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

S.B. LEACOCK ON THE HISTORY OF THE CANADIAN POLITICAL CULTURE IN THE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 128–134.

DOI: 10.17223/15617793/409/21

Илья А. Сокков, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: isokov@mail.ru

Keywords: Canadian political culture; political system; political history of Canada; political parties of Canada; patronage of Great Britain; social reformism; Great Depression.

S.B. Leacock is known as a Canadian writer-satirist in our country. It is surprising that more than 100 years passed, but nothing is known about S. Leacock as a political scientist in Russia. The author of the present article tries to fill this gap. The article consists of two parts. The first part presents Leacock's views on the history of the Canadian political culture. In his research, S. Leacock pointed out the historical features of the formation and development of the Canadian political culture first in the colonies of the British North America, and then in the Dominion. S. Leacock was one of the first Canadian researchers who had come up with the idea that the concept of a responsible government is the basis of all the British imperial system and, consequently, the struggle for the introduction of a "responsible government" became the main political event in Canada in the middle of the 19th century. S. Leacock considered the creation of the two-nation governments in the United Canada and the political parties on the binational basis as the second main factor in the issue of the Canadian statehood formation. S. Leacock gave a special opinion on the creation of the federal establishment in Canada. He considered that the expediency in the creation of the Canadian federation involved not so much the distinctions of the political cultures and the ideology in the North American colonies, but the necessity of the maintenance of different economic interests of the future provinces which had natural borders and ruptures in communications. Besides, S. Leacock believed that the weak decentralized federal system created not only the essential distinctions in the social relations of different provinces in the epoch of industrialism, but it also promoted the formation of different regional political cultures. Marking the importance of tariff regulation used by the federal government, S. Leacock warned that this very sensitive tool was capable to do much harm at its inept use. S. Leacock also pointed out the importance of Great Britain's patronage in the matter of self-management, but the limits of patronage and self-management were to be regulated by the Act of the British Parliament which had actually presented the written constitution to Canada. He had his view on the process of the social reforms in Canada by the active intervention of the state in the industrial relations between the Labour and the Capital. It is necessary to note that S. Leacock offered some measures of coming out of the depression in Canada in the 1930s. The second part of the article represents the author's criticism of S. Leacock's views on the Canadian political culture which means that the incomplete reflection of the Canadian political culture by Leacock is connected with his liberal Victorian outlook in the beginning of the 20th century and the Anglo-Canadian nationalism in the interwar period.

REFERENCES

1. Leacock, S. (1907) Responsible Government in the British Colonial System *The American Political Science Review*. May. I:3.
2. Leacock, S. (1907) *Baldwin, Lafontaine, Hinks: Responsible Government* Toronto: Morano&Co., Limited.
3. Leacock, S. (1909) The Limitations of Federal Government *American Political Science Review*. February. III:1.
4. Leacock, S. (1913) *Elements of Political Science* Boston and New York: Houghton Mifflin Company.
5. Leacock, S. (1932) *Back to Prosperity*. Toronto: The Macmillan Company of Canada Limited, At St. Martin's House.
6. Leacock, S. (1920) *The Unsolved Riddle of Social Justice* New York: John Lane Company.
7. Frankman, M.J. (1986) Stephen Leacock, Economist: An Owl Among the Parrots. In: Staines, D. (ed.) *Stephen Leacock: A Reappraisal*. Ottawa: University of Ottawa Press.

Received: 09 June 2016